

Агиографическая традиция в романе Евгения Водолазкина «Лавр»

Hader, Barbara

Undergraduate thesis / Završni rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:978414>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-15**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti

Završni rad

Агиографическая традиция в романе Евгения Водолазкина «Лавр»

student: Barbara Hader
mentor: Natalija Vidmarović
ak. god.: 2020/2021

U Zagrebu, 22.09.2021.

Содержание

1. Введение	1
2. Обращение к средневековой агиографии	2
3. Агиографические элементы в романе «Лавр» - черты сходства и различия	3
3.1 Сюжетно-композиционные особенности романа «Лавр»	3
3.3 Обращение к библейским текстам	6
3.4 Художественное пространство	7
3.5 Агиографические мотивы	8
4. Образ главного героя	8
4.1 Смена имени героя	9
4.2 Духовное преображение героя	10
5. Сочетание средневекового и современного сознания	11
6. Связь временной концепции и жанра	12
7. Заключение	14
Литература	15

1. Введение

Наследие средневековой агиографии, разнообразная и объемная литература, посвященная святым, для более современной русской литературы является гораздо важнее чем это признается. В пользу такого утверждения можно привести ряд учёных, изучающих примеры влияния агиографической письменности на выдающихся русских писателей, какими являются, например, Фёдор Достоевский, Лев Толстой, Николай Лесков, Глеб Успенский. В данной работе рассматривается влияние агиографической традиции на русского писателя Евгения Водолазкина в его произведении «Лавр», впервые опубликованном в 2012 году.

Писатель и академик Евгений Водолазкин, окончив филологический факультет Киевского университета, стал заведующим Отделом древнерусской литературы Пушкинского дома. Ряд академических произведений Водолазкина посвящены культуре и литературе русского средневековья, а в свое время он испытал сильное влияние своего учителя Дмитрия Лихачёва – автора самых важных исследований древнерусской литературы (Иванова 2019: 24-36). Учитывая данные обстоятельства, не удивляет, что Водолазкин, создавая «Лавра», обратился именно к древнерусской литературе. Роман «Лавр» русского медиевиста воссоздаёт образ Средневековой России, наполненной религиозным рвением, полной мистиков, паломников, пророков и юродивых. Однако, роман «Лавр» прежде всего связан с темой русских святых, то есть становлением святых. Построен в стиле агиографии, роман рассказывает о пути главного героя к святости. Поэтому, прежде всего, нам следует определить точное значение агиографии. Агиографии - это «жития святых: повествования о жизни и подвигах людей, признанных церковью святыми» (Кононенко 2003), при чем надо добавить, что «житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в Царствие Небесное, который проложен данным святым» (Живов 1994:10).

Именно поэтому, в данной работе предпринята попытка выявить агиографические элементы в романе «Лавр» и проанализировать их трансформацию, а также различные

цели, вдохновляющие эту эксплуатацию русского культурного прошлого, главным из которых является показ духовного сдвига главного героя и пробуждение в нас угасшей способности к восприятию духовных истин. Именно такую способность к духовным истинам должен достичь святой в конце своей жизни, то есть в конце агиографии.

2. Обращение к средневековой агиографии

Гуревич пишет, что агиография была самым популярным и самым распространённым жанром средневековой книжности и не только среди монахов и священников, а абсолютно во всех слоях общества (1984: 20). Объяснение популярности агиографии лежит в том, что в ней предлагаются примеры благочестивой жизни, она помогала человеку разбираться в вопросах морали, психологии (борьба человеческих страстей с требованиями веры) (Видмарович 2009: 11). Иными словами, агиография оказывала решающее влияние на формирование нравственного идеала народа. В последнее время распространено мнение, что агиография потеряла свою популярность, и что лишь небольшое количество специалистов к ней проявляет интерес (Видмарович 2009: 8). Однако, факт что обращение к средневековым жанрам, в частности к агиографии, не является странным для более современных писателей, что отмечает и Бычков (2011:11), показывает, что это мнение ошибочно. Многие дореволюционные поколения, как, например, Пушкин и Гоголь видели в агиографии нечто особое и обращались к житиям в поисках положительных примеров, являющихся выражением человеческих ценностей и качеств (Видмарович 2009: 8). Таким образом, как утверждает Терещенко (2011), Гоголь вдохновился рассказом, то есть житием Акакия Синайского, которое находится в составе сочинения «Лествица» Иоанна Синайского и написал целое житие или антижитие, в котором описал жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина. Причину обращения к древнерусским жанрам (в том числе и к агиографии) в конце XX и начале XXI века, Маглий (2015) видит в поисках новых романских форм. Следуя тенденцию развития современного литературного процесса, писатели реконструируют жанровые системы. Бычков, говоря об агиографической традиции в прозе XX и начале XXI столетия, представляет новый термин – «агиороман». Создавая агиороман, автор осознано стремится воссоздать житийный канон, соединяет элементы поэтики характерные для агиографического канона (образы персонажей, сакрализация хронотопа, обращение к

евангельскому тексту и иконографии, сюжетно-композиционная организация, выбор мотивов), но с некоторым нарушением жанровой нормы жития (2011: 5). Анализируя роман «Лавр» можно найти почти все перечисленные элементы. Однако, Водолазкин обращается к агиографии и агиографическим элементам, не с целью воссоздать житийный жанр, а воссоздать и раскрыть мировоззрение средневекового человека, которому «поток событий получал смысл только при рассмотрении его в плане вечности осуществления божьего замысла» (Гуревич 1984: 25). Именно такое мировоззрение позволяет автору «Лавра» выразить главную мысль романа.

3. Агиографические элементы в «Лавре» - черты сходства и различия

3.1 Сюжетно-композиционные особенности романа «Лавр»

Сюжетно-композиционное построение романа «Лавр» является достаточно сложным, что отмечает и Чёрный (2018), подчёркивая связь романа с древнерусскими литературными жанрами, в первую очередь агиографией. Прежде всего надо указать на композиционные особенности романа. Роман «Лавр» состоит из пяти частей: Прологомены, Книги Пути, Книги Отречения, Книги Познания и Книги Покоя. Вводную часть романа «Лавр» - «Прологомену» можно соотнести с предисловием жития. Предисловие как отдельный жанр в составе жития сообщает о самых важных событиях в жизни святого (Лихачёв 1979: 251). Прологомена «Лавра» является кратким изложением о герое, уже намекающим на его чудеса и мощь целения. Необходимо отметить, что в этом кратком изложении сообщается о четыре разных имён героя, что можно понять как намёк на четыре важных событий в жизни героя (никто не меняет имя без причины). Однако, Лихачёв также пишет, что агиограф в предисловии сообщает читателю о сложности взяться за составление агиографии, он в самом начале постоянно сетует на свою неразумность, на отсутствие сил и ума, потому что изобразить неизобразяемое, представить эту святую природу человека чрезвычайно сложно (1979: 132). Такое сообщение не встречается в Прологомене «Лавра».

Книга Пути представляет жизнь героя со дня его рождения: «Он появился на свет в Рукиной слободке при Кириллове монастыре. Это произошло 8 мая 6948 года от Сотворения мира, с 1440-го от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, в день памяти

Арсения Великого. Семь дней спустя во имя Арсения был крещен» (Водолазки 2016: 12). Описание рождения – это «традиционное начало всех житий» (Лихачёв 1979: 293). Кроме того, книга Пути рассказывает о детстве и юношестве Арсения и сообщает о грехе главного героя. Книга Отречения показывает начало настоящей аскетической жизни - Арсений отправляется в путешествие, заходит в чумные деревни и помогает заболевшим. Затем едет в Псков, где становится юродивым и в конце знакомится с итальянцем Амброджо, с которым отправляется в Иерусалим. В Книге Покоя герой удаляется в монастырь, затем возвращается домой и отрекается от мира, живя в лесу, в пещере, где умирает.

Композиция древнерусской агиографии состоит из предисловия, основной части (житие - жизнеописание святого и его жизненный путь от рождения до смерти) и заключения (описания посмертных чудес и похвалы святому) (Видмарович 2009: 12). Если пролегомена соответствует предисловию, то четыре части романа стилизованы под библейские книги (книга Пути, Отречения, Познания и Покоя) можно определить как житие, описывающее жизнь святого от рождения до смерти. Поскольку в «Лавре» нет описаний посмертных чудес и нет похвалы святому, можно сказать что композиция «Лавра» полностью не следит композицию агиографии.

В связи с композицией агиографии, надо упомянуть закон «цельности изображения», разработанный Лихачёвым. В соответствии с этим законом все изображаемое в творчестве древнерусской культуре должно было быть показано целиком. В иконографии это означало, что например изображаемый образ не мог уходить за рамки иконы, а в литературном творчестве, что каждое событие должно было быть описано сначала до конца и «если рассказывается жизнь святого, то сперва говорится о его рождении, затем о детстве, о начале его благочестия, приводятся главнейшие события его жизни» (Лихачёв 1979: 251). Закон цельности в романе «Лавр» нарушается лишь в начале Книги Пути, которая начинается с вставленной историей об италянце Амброджо. Однако, эту вставленную историю можно понять как житие в житии, не нарушающее, а дополняющее общую линию повествования.

Закон «цельности изображения» предусматривает ещё одно правило, согласно которому житийному повествованию не позволяется уходить в будущее или возвращаться

в прошлое (Лихачёв, 1979: 251). В романе Водолазкина встречаются пророчества и видения, мысленно отсылающие героев в будущее, но не нарушающие однонаправленность художественного времени. Согласно Лихачёву похожие элементы как пророчества и предзнаменования принимали участие в житии святого и они указывали на ожидающую судьбу святого, не нарушая хронологию (1979: 251). Герои романа «Лавр» неоднократно видят далёкое будущее, но эти видения не имеют отношения к ним самим и их судьбе. Так например, итальянский друг Арсения - Амброджо, приехавший в Россию из-за её гостеприимства к пророкам, видит во сне советские времена: «Амброджо во сне видел улицу в городе Орле. На ступенях магазина *Русский лен* фотографировалась группа из пяти человек, <...>. 28.мая 1951 года.» (Водолазкин 2016: 189). Ещё один феномен, отсылающий героев в будущее, заслуживает особого внимания – это появление в XV веке пластиковых бутылок: «из-под снега полезла вся лесная неопрятность – прошлогодние листья, потерявшие цвет обрывки тряпок и потускневшие пластиковые бутылки.» (Водолазкин 2016: 164). Прыжки в будущее в романе «Лавр» могут быть поняты как попытка пробудить совесть современного читателя – средневековая идиллия прекращается пластиковым мусором (последствием одержимости материальным). Независимо от того, как эти ссылки в будущее в романе понимаются, одно ясно – они играют совсем иную роль чем в агиографии.

Главный сюжет романа совпадает с описанием Новоселовой (2016) типичного агиографического сюжета: герой совершает грех, после чего пытается искупить его, обратившись на путь истинный, причём на протяжении всего пути глубоко страдает от своего греха. Грехопадение в романе «Лавр» происходит после того, как несколько идиллическое детство Арсения разрушается. Его родители умирают от чумы, и в конце концов, когда ему пятнадцать лет, умирает и его дедушка. Оставшись один, он занимается целительской практикой своего деда, но становится жертвой эгоизма и греха (он не смог спасти возлюбленную Устину и своего незаконнорождённого ребёнка и они умирают не причастившись), который он старается искупить остаток своей жизни, исцеляя других и пытаясь быть безупречно праведным. Однако, Трофимова (2016) отмечает что, развитие этого сюжета не находится в соотношении с традицией древнерусской литературы, значит и с агиографической традицией. Это утверждение она аргументирует тем, что роман изобилует деталями о плотской любви, беременности и ходе родов, которые не являются

характерными для древнерусской литературы и её памятников. Кроме того, герой только из-за смерти становится праведным и ищет искупления. Продолжение повествования после смерти Устины также не соотносится с агиографической традицией: грешная любовь превращается в небесную что «прямо опирается на житийные образцы» (Трофимова, 2016: 18)

3.3 Обращение к библейским текстам

Обращение к библейским текстам обнаруживается в романе «Лавр» неоднократно: наблюдаются упоминание библейских персонажей, цитирование Библии и намёки на евангельские истории. Гуревич пишет, что цитирование Библии было неотъемлемой частью агиографии. Прямые цитаты Священного Писания и намёки на библейские истории и персонажи наполняли агиографии библейскими моделями, концепциями и лексикой. Таким образом биографии святых ассимилировались с текстовыми образцами Библии, а их повествовательный и риторический план обогащался (1984: 172). Библейские персонажи упоминаются и в романе «Лавр»: «До грехопадения звери были Адаму и Еве покорны» (Водолазкин 2016: 30); «за умирающим Арсением ухаживали иные. Возможно, Авраам и Сарра Старики всегда за кем-то ухаживают» (Водолазкин 2016: 382). Здесь, как и в агиографии, упоминание этих персонажей, не являющихся по сути героями произведения, имеет свою цель – они «становятся ключом к пониманию древнерусского мировосприятия, частью культурного кода, библейского контекста, в рамках которого функционировала литература Древней Руси» (Шлыкова, 2019 :72)

Обращение к евангельскому тексту, точнее Евангелию от Матфея, обнаруживается в следующем фрагменте: «Фома подбежал к реке и попробовал воду большим пальцем ноги. Сокрушенно покачав головой, он также ступил на воду. Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие. По воде они, стало быть, только ходят, сказали завеличские. А бегать пока еще не научились. На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фомы, он с размаху ударил его по щеке. Звон оплеухи долетел по воде до стоявших на берегу. Имеет право, развели руками завеличские. Это уже его территория» (Водолазкин 2016: 195—196). В данном фрагменте замечается соотношение с рассказом о хождении Иисуса Христа по воде (Мф. 14: 25—33).

Однако, в приведённом фрагменте чувствуется ирония и она использована в романе как стилистический прием. Ирония здесь выражает насмешку и вызывает сомнение в правдивости сказанного, что не является характерным для агиографии. Трофимова также пишет, что в романе неоднократно наблюдается авторская ирония, которая вторгается в трагические события и размышления и не является характерным для агиографической традиции (2016).

3.4 Художественное пространство

Писатели, ориентирующиеся в своих произведениях прежде всего на древнерусскую литературную традицию, создают художественную картину мира, учитывая эстетические и религиозные параметры средневековой иеротопии – создании сакральных пространств. Писатели создают сакральное пространство, соединяя действительность и инобытие и это является ключевым элементом произведения, если исходом для литературного творчества является агиографическая традиция (Бычков, 2011). В хронотопе романа «Лавр» сакральный план, во-первых, обнаруживается в виде дихотомии, относящейся к описанию дома Христофора, в котором главный герой проводит своё детство. Дом построен рядом с кладбищем и, таким образом, образуется дихотомия «живого и мертвого», причём в романе нет строгой оппозиции мёртвого и живого, что отмечается и в словах Христофора: «там же [на кладбище] лежат живые люди. <...> Для Бога все живые» (Водолазкин 2016: 45). Кроме того, кладбище для главного героя представляет своего рода убежище: на кладбище он разговаривает с дедом, читает Александрию, гуляет. Стирание границ между живым и мёртвым свойственно всему роману – Арсений, исцеляя умирающих, встречается со смертью на протяжении всего романа. Образование сакрального пространства отражается и в хождениях главного героя после смерти его возлюбленной Устины – он бродит по деревням как призрак, затем оказывается в Пскове, где становится юродивым (избирает пограничный способ существования) и в конце концов отправляется в Иерусалим (место, которое ближе всего к небу). Упомянув путешествие героя в Иерусалим, надо привести ещё одну черту характерную для агиографии. Содержание житий святых - это в основном путешествия, экспедиции, переезды при чём перемещение святых в пространстве подразумевает огромные географические расстояния. (Лихачёв, 1979: 344). Главный герой и его друг Амброждо по пути в Иерусалим путешествуют через Польшу, в Венецию, затем на

корабле пересекают Средиземное море в город Яффа и в конце на верблюдах приезжают в Иерусалим. Их путешествие в конечном итоге не увенчается успехом, и, излив свое сердце Богу у могилы, главный герой возвращается в Псков без своего друга, которого убивают. Затем он возвращается в свой родной город и становится монахом Кириллова монастыря.

3.5 Агиографические мотивы

В отношении с обращением к агиографическим мотивам Чёрный (2018) выделяет мотив «укрощенного святым дикого зверя», нередко встречающийся в православной агиографии. Мотив дикого зверя присутствует дважды в романе «Лавр». Ещё будучи ребёнком Арсений с Христофором в лесу встречает волка. Арсений приручает волка прикосновением руки, и волк со временем становится его товарищем и защитником. В конце своей жизни главный герой становится схимником Лавром и удаляется жить в пещеру, которую в холодные дни делит пополам с медведем. Трофимова (2016) добавляет ещё обращение к агиографическому мотиву «наделенности героя даром пророчества», который пронизывает весь роман, и мотиву «оскорбленного и биенного святого», которое в романе, как и в агиографической традиции, соединяется с мотивом «неприкосновенности угодника Божиего» (неприкосновенность в смысле святости). Арсения избивает человек, которому он помог, а после этого он чуть не убит калачником. Однако, эти события не имеют никакого влияния на его добрую душу, он остаётся благочестивым и праведным.

4. Образ главного героя

Главный герой романа является персонажем житийного типа. Герой-мистик Водолазкина Арсений - главный герой, извлеченный из того немногого, что известно о жизни и деяниях знаменитых святых. Создавая образ героя, автор взял характеристики настоящих святых из существующих житий. Анализируя житийный интертекст в романе «Лавр», Чёрный (2018) выделяет ряд возможных агиографических источников (житие святого Виталия Александрийского, блаженной Ксении Петербургской, святого Симеона Богоприимца, святого Амвросия Медиоланского), важнейшим из которых является житие преподобного Арсения Великого. Именно это житие, по словам Чёрного, послужило главным образцом для создания образа главного героя. Сходство двух Арсениев

отражается в огромной учёности, отказе от славы, любви к безмолвию и, важнее всего, в способе похорон: «Ноги Лавра связывают веревкой, от которой уходят два конца. В толпе слышны крики. Кто-то бросается разорвать веревку, но его тут же скручивают и оттаскивают в толпу». Святой Арсений Великий, в своём посмертном волеизъявлении выражает желание похоронить его именно так (Чёрный 2018). Поскольку главный герой содержит в себе черты разных святых, его образ можно охарактеризовать как обобщённый. Один человек содержит в себе и врача-травника, юродивого, странника, праведника и святого.

4.1 Смена имени героя

В агиографии святой всегда движется от естественного к сверхъестественному состоянию (инобытию, трансцендентной области), к достижению совершенного человечества, соединению с Богом, которое достигается весьма немногими и предполагает достижение самого совершенного бесстрастия (Видмарович, 2009). Духовное преображение, движение главного героя к сверхъестественному в романе «Лавр» выражается в смене четырех имен: Арсений, Устин, Амброджо, Лавр. Калдыбекова (2015) пишет, что в каждой новой «книге» получая новое имя, герой переходит на высшую духовную и нравственную ступень.

Вся жизнь героя - это попытка искупить девочку Устину, которая умерла вместе с ребенком, потому что сам герой пытался принять роды, прикрывая, что это его ребёнок и отказываясь найти акушерку. После этого трагичного события (грехопадения), в книге Отречения герой меняет своё имя (Арсений), полученное им при рождении и сам себе дает имя Устин. Называя себя Устином, как отмечают Бунчук и Дуркин (2018), герой продолжает земную жизнь Устины и обязывается искупить грехи Устины, совершая праведные дела (от её имени). Постригавшись в монахи в книге Познания Устин становится Амвросием. Это происходит после смерти Амброджо, в чью честь герой снова меняет имя (только называет себя русской версией имени Амброджо-Амвросий), продолжая этим жизнь умершего: «о твоём преданном друге, произносившем это имя на свой лад. Пусть это имя в правильном произношении будет воспоминанием и о твоём друге» (Водолазкин 2016: 374). Пострижение в монахи представляет по сведениям Бунчук и Дуркина подготовку к вечной жизни в связи с чем открывается символика имени

Амвросий. Амвросий в переводе с греческого означает 'принадлежащий к бессмертным, божественный' (2018). Последнее изменение имени происходит, когда «18 августа 7000 года от сотворения мира» герой «принимает схиму» как монах. Амвросий становится Лавром. Причину последнему изменению имени героя Бунчук и Дуркин (2018) видят в попытке автора выразить мысль о вечности души, что подтверждает и сам рассказчик: «Хорошее имя Лавр. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь» (Водолазкин 2016: 401). Став Лавром, герой достигает самый высокий духовный и нравственный уровень и ему даётся шанс полностью искупить свои грехи и душу Устины. Лавр покидает монастырь и укрывается в пещере. И именно здесь ему приходит беременная Анастасия, о которой главный герой заботится до родов, потому что видит в ней возлюбленную Устину. Таким образом его путешествие начинается и заканчивается беременной девушкой, только на этот раз ему удаётся спасти её. На основании всего указанного, можно согласиться с Калдыбековой (2015), которая отмечает, что смена имён является художественным приёмом, раскрывающим сюжет и смысл романа и в то же время объединяющий текст.

4.2 Духовное преображение героя

Преображение героя, переход к сверхъестественному состоянию отражается не только сменой имён героя. После грехопадения и серии испытаний образ Арсения содержит в себе три важных терминов, наличие которых характерно для агиографического показа христианских добродетелей: «нестяжание», «послушание» и «целомудрие». Нестяжание обозначает отсутствие страсти к богатству, накопительству; послушание представляет полное отсечение своей воли; целомудрие значит не только отказ от общения с другим полом, но также отказ от излишеств в питье, пище и сне (Живов 1994: 78). Читая книги Отречения, Познания и Пути, можно увидеть главного героя, который не имеет ничего личного, становится почти немым, ест мало, спит у кладбища под открытым небом, постригается в монахи, становится юродивым и схимником. По сути, он нищий. Он снял плащ гордости (и даже достоинства) и оделся в рубище бедности и позора. Он становится беднейшим из бедных, какой ничтожный он внутренне перед Богом. В конце романа Арсений живёт в лесу как отшельник.

Начиная с книги Отречения герой становится воплощением добра (из его образа убранное всё временное, частное, случайное), что характерно и для агиографии. Агиограф создает такую фигуру святого, которая являла бы собою вечный, идеальный, вневременной и внепространственный характер. Герой романа «Лавр» как и герой агиографии начинает занимать не просто особое, но исключительное положение в мире - он бросает камни в дома, чтобы отогнать демонов, молится во время бурь, поедает кусочки из вечного хлеба и исцеляет чужие души.

5. Сочетание средневекового и современного сознания

Несмотря на то, что роман «Лавр» содержит много агиографических элементов, надо подчеркнуть, что роман во многом отличается от агиографии, а такое заимствование элементов возможно, потому что «роман по своей природе не каноничен и уже на протяжении многих веков является устойчивой площадкой для эксперимента: в его конструкцию включаются элементы других жанров литературы» (Маглий, 2015: 177). Кроме уже приведённых отступлений от агиографического канона (ирония, развитие сюжета, отсутствие заключения...) надо коснуться самого важного – повествовательной стратегии. Понимая повествовательные стратегии как коммуникативную стратегию с читателем, Неверов отмечает, что повествовательная стратегия Водолазкина заключается в «антитезе современного и средневекового типа мышления» (Неверов 2021: 169). Антитеза обнаруживается в прекрасном стиле повествования. Абстракция, присущая древнерусской литературе, в романе соединяется с визуальной ясностью и живописностью. Автор - современный, трезвый и ироничный человек - рассказывает о людях среднего века, чья речь стилизована, полна словами средневековья. Но автор (несомненно очарованный архаичной русской речью) выбирает лексику, понятную читателям, не знающим древнерусского или церковнославянского языков. В «Лавре» древнерусское и современное сознание соединяются использованием языка - авторских неологизмов («Что в вымени тебе моем?»), аллюзий на библейские и художественные тексты («Маленький принц» Экзюпери) и сочетанием архаичных слов и языка с современными: «Да в общем... Христофор наморщил лоб. Окружность Луны составляет сто двадцать тысяч стадий, а окружность Солнца – приблизительно, конечно, – три миллиона стадий. Это они только кажутся маленькими, но настоящие их размеры трудно

себе даже представить. Взыди на гору высоко и воззри на поле. Тамо пасома стада не яко ли мравие мнятся зраку твоему? Тако и светила» (Водолазкин 2016: 26-27). Такое соединение стилей, авторская ирония и использование юмора (ряд комических замечаний каким например является представление юродства как «добровольного сумасшествия») «придают тексту современный романый облик» (Трофимова 2016: 18). Антитеза современного и средневекового наблюдается и в психологии главного героя в юности, которая «воспроизводит психологию человека современного, а не средневекового» (там же: 17).

6. Связь временной концепции и жанра

Чувство духовного возрастания постигается по словам Калдыбековой (2015) не только получением нового имени, но и тем как герой воспринимает время и свою связь с временем. Каждый раз, когда герой выходит на высший духовный уровень, время ощущается им другим. Чтобы показать духовное движение героя, которое является главным для жанра агиографии, автор вводит новые модели времени. Таким образом в романе «Лавр» переплетаются три модели времени: линейное, циклическое и спиральное. Архангельская (2013) замечает, что линейное время в романе представляет хронологическое описание жизни главного героя, с момента его рождения до его смерти. Движение от прошлого к будущему, то есть линейное время, выражает переход Арсения из детства в зрелый возраст и процесс становления врача, а оно находит своё выражение в упомянутых в романе точных датах определённых событий: «8 мая 1441 года в Кирилло-Белозерском монастыре семья отслужила благодарственный молебен.» (Водолазкин, 2016:65).

Нелинейная модель, или циклическое время связывается с возвращением, точнее с возвращением к исходному (Крутова, 2017). Став монахом и испытав полный литургический цикл, герой сам понимает, что время больше не движется вперёд, а движется по кругу. В конце романа главный герой возвращается к исходному, возвращаясь в место, в котором он родился и вырос. Кроме того, Крутова (2017) замечает, что и сами события в конце романа являются повторением событий начала романа и жизни Арсения. Арсений в молодой беременной Анастасии видит возлюбленную, умершую Устину.

Архангельская (2013) замечает, что соотношением этих двух понятий, линейности и цикличности, создаётся спиральность. Причину такого понятия времени в Средние века Гуревич видит в том, что христиане, в своём сознании, не освободились полностью от цикличности: «Движение по линии и вращение в круге объединяются в христианском переживании хода времени» (Гуревич 1984:121). Если спиральное соединяет цикличное (вечное) и линейное время, тогда спиральное время можно понимать как соединение двух миров: земного, человеческого мира и вечного, божественного мира. В этом смысле спираль здесь можно уподобить Лестнице Иоанна Синайского, по которой христиане поднимаются в рай. Сотворённое линейное время связывается с человеческим миром, а цикличное, то есть вечность с божественным, Богом. Бочкина (2017) отмечает, что только спиральное время позволяет людям достичь божественного мира. Теория спиральности времени объясняется и в диалогах героев: «Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом более высоком уровне» (Водолазкин 2016: 376). Как отмечалось выше, житие описывает жизнь святого, чтобы двигаться по спирали и достичь вечности (прийти к Богу), он должен жить и делать все в соответствии с христианской наукой. Водолазкин объясняет спиральность времени и в своей монографии *Всемирная история в литературе Древней Руси*. По словам Водолазкина «спиральное время включает в себя время и вечность, повторяемость и неповторимость» (2008: 488).

7. Заключение

В анализе показано, что роман Евгения Водолазкина «Лавр» содержит ряд агиографических элементов: мотивы, сакральное пространство, героя житийного типа, огромное пространство, обращение к библейским текстам, житийную композицию и сюжет. Поскольку одни агиографические элементы немного трансформированы, а другие отсутствуют, произведение Евгения Водолазкина можно определить как агиороман. Однако, причиной обращения Водолазкина к агиографической традиции является не поиск нового жанра, а раскрытые смысловых деталей произведения, заключающихся в духовном становлении главного героя. В романе «Лавр» автор пытается передать важность того, что является самым важным для агиографии – духовное возрастание, соединение с Богом, и поэтому нуждается в агиографических элементах.

Наряду с поразительным использованием агиографических элементов, автор духовное преображение героя выражает и с помощью смены имени героя и особым подходом к времени. Каждая смена имени героя обозначает новую, высшую духовную и нравственную ступень, а каждый переход на новый духовный уровень сопровождается чередованием восприятия героя о времени.

Еще одна большая задача, которую автор поставил перед собой – представить современному читателю такое средневековое мировоззрение и понимание вечности. Автор соединяет средневековое и современное сознание варьируя разными языковыми стилями (от церковнославянского до современного сленга) и пользуясь иронией и юмором.

Литература

1. Архангельская, Анна Валерьевна (2013) *Время древнерусское и современное в романе*
2. *Евгения Водолазкина «Лавр»*. Режим доступа: *Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина Лавр* (msu.ru) (дата обращения: 25. августа 2021 г.)
3. Бочкина, Мария Вацильевна (2017) *Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор»*. Режим доступа: Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» (cyberleninka.ru) (дата обращения: 20. августа 2021 г.)
4. Бунчук, Татьяна Николаевна; Дуркин, Алексей Игоревич (2018) *Стилистические функции имен персонажей в романе Е. Водолазкина "Лавр"*. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-funksii-imen-personazhey-v-romane-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 15. августа 2021 г.)
5. Бычков, Дмитрий Михайлович (2011) *Агиографическая традиция в русской прозе конца хх - начала хх века*. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/197420637.pdf> (дата обращения: 15. августа 2021 г.)
6. Ведьгаева, Юлия Сергеевна (2017) *Средневековая картина мира в рецепции современной литературы (на примере произведения Евгения Водолазкина «Лавр»)*. Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/556/621> дата обращения: 18. августа 2021 г.
7. Видмарович, Наталия Петровна (2009) *Язык агиографии: текст и контекст*. Москва: МПА-Пресс
8. Водолазкин, Евгений Гермаович (2008) *Всемирная история в литературе Древней Руси*. Пушкинский дом.
9. Водолазкин, Евгений Германович (2016) *Лавр*. Москва: Редакция Елены Шубиной, Издательство АСТ
10. Гуревич, Арон Яковлевич (1984) *Категории средневековой культуры*, Москва: Искусство.

11. Живов, Виктор Маркович (1994) *Святость: краткий словарь агиографических терминов*. Режим доступа: <https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov> (дата обращения: 20. августа 2021 г.)
12. Иванова, Наталья (2019) *Евгений Водолазкин: филолог? историк? писатель*. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/vodolazkin_znakovye_imena_sovremennoj_russkoj_literatury_2019__izd.pdf (дата обращения: 18. августа 2021 г.)
13. Калдыбекова Ж.А. (2015) «Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр»». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-vremya-v-romane-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 28. августа 2021 г.)
14. Кононенко, Борис Иванович (2003) *Большой толковый словарь по культурологии*. Режим доступа: http://endic.ru/enc_lit/Agiografija-107.html дата обращения: (18. августа 2021 г.)
15. Крутова, Дарья Владимировна (2017) *Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина*. Режим доступа: Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова (cyberleninka.ru) (дата обращения: 28. августа 2021 г.)
16. Лихачёв, Дмитрий Сергеевич (1979) *Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы в трех томах*. Москва: Наука.
17. Маглий, Анна Дмитриевна (2015) *Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»*. Режим доступа: Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» – тема научной статьи по языкознанию и литературоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 28. августа 2021 г.)
18. Неверов, Евгений Алексеевич (2021) *Жанровые разновидности повествовательных стратегий на примере романа Е. Водолазкина «Лавр»*. Режим доступа: <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-15-2021/447-e-a-neverov-zhanrovyeraznovidnosti-rovestvovatelnykh-strategij-na-primere-romana-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 18. августа 2021 г.)
19. Новоселова, Полина Ивановна (2016) *Кризис духовно-нравственных основ человеческой жизни в романе Е. Водолазкина «Лавр»: Проблемы поэтики*. Режим

- доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (дата обращения: 28. августа 2021 г.)
20. Святое Евангелие от Матфея 14: (25—33) *Библия*. Режим доступа: Матфея 14 / Русский синодальный перевод (Протестантская редакция) | Библия Онлайн (bibleonline.ru) (дата обращения: 25. августа .2021)
21. Терещенко, Сергей Олегович (2011) *Житийная традиция в повести Н. В. Гоголя «Шинель»: диалог интерпретаций*. Режим доступа: *Житийная традиция в повести Н. В. Гоголя «Шинель»: диалог интерпретаций – тема научной статьи по языкознанию и литературоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru)* (дата обращения: 15. августа 2021 г.)
22. Трояновска, Беата (2018) *Лавр Евгения Водолазкина-диалог среднерусской литературной традицией*. Режим доступа: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_18778_1427-9681_11_19/c/4410-3867.pdf (дата обращения: 3. августа 2021 г.)
23. Трофимова, Нина Владимировна (2016) *Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»*. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-drevnerusskoy-literatury-v-romane-e-g-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 20. августа 2021 г)
24. Чёрный, Игор Витальевич (2018). *Православная агиография и романе Евгения Водолазкина «Лавр»*. Режим доступа: [PravoslavnaayaagiographyaіromanVodolazkinaLavr_ChornyiI_V_2018pdf \(univd.edu.ua\)](http://PravoslavnaayaagiographyaіromanVodolazkinaLavr_ChornyiI_V_2018pdf(univd.edu.ua)) (дата обращения: 20. августа 2021 г)

Hagiografije su djela koja opisuju život i podvige ljudi koje je crkva prepoznala kao svece. Međutim, hagiografija nije samo opis života sveca (životopis), već i opis njegova puta prema spasenju. Autor Jevgenij Vodolazkin u svom romanu *Lavr* suvremenom čitatelju približava ideju duhovnoga puta prema spasenju. U ovome će se radu identificirati i analizirati načini na koje autor romana čitatelju približava samu ideju puta prema spasenju, od kojih je glavni način uporaba hagiografskih elemenata.

Ključne riječi: hagiografija, Vodolazkin, *Lavr*, spasenje, hagiografski elementi, spasenje, duhovna preobrazba, srednjovjekovni svjetonazor.

Агиографии – это повествования о жизни и подвигах людей, признанных церковью святыми. Однако, агиография - это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению. Автор Евгений Водолазкин в своём романе «Лавр» приближает современному читателю идею духовного пути к спасению. В данной работе будут выявлены и проанализированы способы приближения этой идеи (пути к спасению) к читателю, основным из которых является использование агиографических элементов.

Ключевые слова: агиография, Водолазкин, *Лавр*, агиографические элементы, спасение, духовное преобразование, средневековое мировоззрение.

Kratki životopis

Rođena sam 27. veljače 1998. godine u Virovitici. Osnovnu školu sam pohađala te završila u Špišić Bukovici. Nakon toga 2012. godine upisala sam jezičnu gimnaziju u Virovitici koju sam završila 2016. godine. Iste godine započela sam preddiplomski studij ruskog jezika i književnosti te fonetike na Filozofskom fakultetu u Zagrebu.